

Хроника объявленной смерти

Автор:

[Габриэль Маркес](#)

Хроника объявленной смерти

Габриэль Гарсия Маркес

Первое художественное произведение Гарсия Маркеса, вышедшее после «Осени патриарха», когда автор наконец-то нарушил свой «антипиночетовский» обет молчания.

Книга, которая легла в основу великолепного одноименного фильма с Рупертом Эвереттом в главной роли.

Судьба, которой нельзя избежать.

Рок, который довлеет над человеческой жизнью.

Убийство, которое не должно было случиться... но случилось.

Маленький городок становится подмостками большой трагедии.

Человек обречен на смерть – и все вокруг знают, что ему предстоит умереть.

Никто не хочет этой смерти – и, прежде всего, сами будущие убийцы.

Они делают все, чтобы их остановили. Но... ход событий уже не повернуть вспять.

Габриэль Гарсия Маркес

Хроника объявленной смерти

Любви надменностью достигнуть можно.

Жил Висенти[1 - Жил Висенти (ок. 1470 – ок. 1536 гг.) – выдающийся португальский драматург и поэт-сатирик. – Здесь и далее примеч. пер.]

В день, когда его убили, Сантьяго Насар встал в 5.30 утра, чтобы встретить корабль, на котором прибывал епископ. Ему приснилось, что он шел сквозь рощу фиговых деревьев под моросившим мягким дождем, и какое-то мгновение во сне он был счастлив, однако, проснувшись, не мог избавиться от ощущения, будто его обгадили птицы. «Зачастую он видел во сне деревья», – сказала мне его мать Пласида Линеро, вспоминая 27 лет спустя подробности того страшного понедельника. «За неделю до того ему снилось, будто он летал – один – в самолете из фольги среди деревьев миндаля, не задевая за стволы», – говорила она. Пласида Линеро пользовалась вполне заслуженной репутацией блестящей толковательницы чужих снов, если рассказывали ей их натошак, но и она не заметила чего-либо угрожающего ни в этих двух, ни в других сновидениях своего сына о деревьях, про которые он сообщал ей по утрам в дни, предшествовавшие его смерти.

Да и сам Сантьяго Насар не уловил предзнаменования. Спал он мало и плохо, не снимая одежды, проснулся с головной болью, а во рту – будто кошки ночевали, и все это он воспринял как естественное следствие свадебной попойки, затянувшейся далеко за полночь. Те многочисленные люди, которых он встретил с момента выхода из дома в 6.05 утра и до того, как был заколот, словно свинья, часом позже, – все они вспоминают, что хоть и выглядел он несколько заспанным, но был в хорошем настроении и еще каждому мимоходом замечал, что день наступает прекрасный. Никто из них не мог с уверенностью сказать, относилось ли это замечание к погоде. Одни сходились во мнении, что было солнечно и с моря через банановые заросли долетал легкий ветерок, как и следовало быть в погожий февральский денек. Большинство же, наоборот, утверждало, что погода была мерзкой, небо – нависшим и сумрачным, в воздухе стоял тяжелый запах загнившей воды, а в момент несчастья пошел мелкий дождь вроде того, что Сантьяго Насар видел в чашобе сна.

Я приходил в себя после той же свадебной попойки, пребывая в объятиях благословеннейшей Марии Алехандрины Сервантес. Проснувшись от внезапных ударов колокола, я решил, что трезвон этот устроен в честь епископа.

Сантьяго Насар надел брюки и рубашку из белого полотна – обе вещи не были накрахмалены, – такие же, что были на нем накануне, на свадьбе. То была его праздничная одежда. Если бы не приезд епископа, он надел бы рубаху и брюки цвета хаки и натянул сапоги для верховой езды – в таком виде он отправлялся по понедельникам в свою асьенду «Божественный лик», которую вместе со скотом унаследовал от отца и которой управлял весьма разумно, хотя и без большой для себя пользы.

В горы он отправлялся с «магнумом-357» за поясом, очередь его утяжеленных пуль, как утверждал Сантьяго Насар, могла расцечь лошадь надвое. В сезон охоты на куропаток он возил с собой еще и снаряжение для соколиной охоты. В его шкафу, кроме того, хранились винтовки «малинхер-шёнауэр-30.06», «холланд-магнум-300», «хорнет-22» с двойным оптическим прицелом и многозарядный «винчестер». Он всегда спал так, как спал его отец: с пистолетом в наволочке подушки; перед выходом из дома в тот день он вынул магазин и положил пистолет в ящик ночного столика. «Он никогда не оставлял оружие заряженным», – сказала мне его мать. Я знал об этом и знал еще, что он хранил оружие в одном месте, а патроны держал в другом – и очень отдаленном, с тем чтобы никто, пусть даже случайно, не смог бы поддасться искушению зарядить оружие в доме. Это разумное правило было введено его отцом, после того как однажды утром служанка, убирая постель, тряхнула подушкой и пистолет, ударившись об пол, выстрелил; пуля расщепила шкаф в комнате, пробила стену гостиной, с пронзительным свистом пронеслась через столовую соседнего дома и превратила в пыль гипсовую статую святого в человеческий рост, украшавшую главный алтарь церкви на противоположной стороне площади. Сантьяго Насар в то время был еще совсем ребенком, но не забыл урока.

Последнее воспоминание о нем, сохранившееся у матери, связано с моментом, когда он поспешно прошел через ее спальню. Он нечаянно разбудил мать, пытаясь нащупать таблетку аспирина в аптечке, находившейся в ванной комнате; она зажгла свет и увидела сына в проеме двери со стаканом воды в руке – таким она и запомнила его навсегда. Именно в тот момент Сантьяго Насар и рассказал ей свой сон, но она не обратила внимания на слова о деревьях.

– Все сны о птицах – к доброму здоровью, – сказала она мне.

Она видела его, лежа в том же гамаке и в той же позе, в какой я нашел ее в старости, на закате ее последних дней, вновь вернувшись в это забытое селение в попытке восстановить из разрозненных осколков разбитое зеркало памяти. Пласида Линеро едва различала – и то при сильном освещении – фигуры людей, к вискам ее были привязаны листья целебных растений от беспрестанной головной боли, оставшейся от последней встречи с сыном, когда он прошел через ее спальню. Женщина лежала на боку, ухватившись за веревки в изголовье гамака, она пыталась приподняться; в полусумраке комнаты стоял запах застоявшейся воды в крестильной купели, который так поразил меня в то утро, когда свершилось преступление.

Лишь появился я в проеме двери, как она вспомнила Сантьяго Насара. «Там он и стоял, – сказала она мне. – На нем был костюм из белого полотна, просто выстиранный, без крахмала, – его нежная кожа не переносила крахмала». Она долго сидела в гамаке, пережевывая зернышки кардамона, пока ощущение, что сын вернулся, не покинуло ее. Тогда она вздохнула: «Он был единственной опорой в моей жизни».

Я представил себе, каким он остался в ее памяти. Ему исполнился 21 год в последнюю неделю января, он был строен и бледен, арабского типа разрез глаз и вьющиеся волосы передались от отца. Сантьяго Насар был единственным сыном от брака, заключенного по расчету, супругам не выпало ни одного счастливого мгновения, но сам он, казалось, был вполне счастлив, имея такого отца, пока тот не скончался скоропостижно три года назад; сын казался счастливым и с оставшейся в одиночестве матерью, так было до понедельника – дня его смерти. От матери он унаследовал дар предчувствия. У отца же еще в раннем детстве обучился владению огнестрельным оружием, любви к лошадям и натаскиванию ловчих птиц, от него же воспринял полезное искусство быть отважным и осторожным. Между собой отец и сын говорили по-арабски, однако в присутствии Пласиды Линеро избегали этого, чтобы она не чувствовала себя исключенной из беседы. В селении их никогда не видели с оружием, своих натасканных птиц они привезли сюда лишь однажды, чтобы показать на благотворительной ярмарке искусство соколиной охоты. Смерть отца вынудила Сантьяго Насара бросить учение после окончания средней школы и заняться делами принадлежащей семье асьенды. Что же касается его личных качеств, то был он человеком с открытым сердцем, веселым и доброжелательным.

В день, когда его убили, мать, увидев сына во всем белом, решила, что он ошибся днем недели. «Я напомнила ему, что был понедельник», – сказала она мне. Но он пояснил, что парадное платье надел на случай, если представится возможность приложиться к перстню на руке епископа. Однако это ее не тронуло.

– Он и с корабля-то не сойдет, – сказала она сыну. – Как всегда, по обязанности благословит всех и уедет туда, откуда приехал. Ненавидит он наш городок.

Сантьяго Насар знал, что это правда, но торжественность церковных ритуалов неудержимо влекла его. «Как в кино», – сказал он мне однажды. А вот мать в связи с приездом епископа заботило лишь одно – как бы сын не промок под дождем: ей послышалось – он чихал во сне. Она посоветовала ему взять зонт, но он махнул рукой на прощание и вышел из комнаты. Видела она его в последний раз.

Кухарка Виктория Гусман утверждала, что ни в тот день, ни в течение всего февраля дождей не было. «Наоборот, – сказала она мне, когда я посетил Викторию незадолго до ее кончины. – Солнце начинало жарить намного раньше, чем в августе». В окружении нетерпеливых собак она рубила на куски туши трех кроликов для обеда, когда в кухню заглянул Сантьяго Насар. «Утром по физиономии можно было определить, как прошла его ночь», – вспоминала Виктория Гусман, не скрывая своей неприязни. Ее дочь, Дивина Флор – Божественный Цветок, едва начинающий распускаться, – подала Сантьяго Насару большую чашку кофе без сахара, влив в нее рома – так бывало каждый понедельник, – чтобы помочь ему побороть тяготы прошедшей ночи. В очаге просторной кухни шипело пламя, на высоких насестах еще спали куры; здесь жизнь шла своим чередом. Сантьяго Насар разжевал еще одну таблетку аспирина и стал потягивать медленными глотками кофе, не спеша размышляя и не отводя взгляда от обеих женщин, потрошивших у плиты кроликов. Виктория Гусман, несмотря на возраст, прекрасно сохранилась. Девочка же, еще немного диковатая, уже задыхалась, похоже, от порывов плоти. Сантьяго Насар схватил ее за руку, когда она подошла, чтобы взять у него пустую чашку.

– Пришло время взнудать тебя, – сказал он ей.

Виктория Гусман показала ему окровавленный нож.

– Пусти ее, прохвост, – приказала она, насупившись. – Пока я жива, из этого родника тебе не пить.

Ибрагим Насар соблазнил Викторию Гусман в ее самые юные годы. В течение нескольких лет он тайно встречался с ней в конюшнях асьенды, а потом, когда любовь кончилась, перевел ее служить при доме. Дивина Флор, ее дочь от недавнего сожителя, знала, что ей уготованы ночи в постели Сантьяго Насара, и эта мысль порождала в ней преждевременные желания. «Такого мужчины, как он, не рождалось более на свете», – сказала она мне, толстая и грустная, окруженная детьми – плодами многих любовных встреч. «Он был во всем вылитый отец, – возразила ей Виктория Гусман. – Такое же дерьмо». Она не смогла скрыть дрожи, вспомнив ужас Сантьяго Насара, когда она одним махом вырвала внутренности у кролика и швырнула собакам дымящийся клубок кишок.

– Не будь зверем, – сказал он ей. – Представь: если б это был человек?!

Виктории Гусман понадобилось почти 20 лет, чтобы понять, почему человек, привыкший убивать беззащитных животных, так неожиданно взволновался. «Боже! – воскликнула она в испуге. – Неужели это было знамение!» Однако в то утро, когда свершилось преступление, кухарку настолько обуяла накопившаяся ярость, что она продолжала бросать собакам потроха других кроликов лишь для того, чтобы отравить завтрак Сантьяго Насару. Таково было положение дел, когда весь городок проснулся от оглушительного рева гудков парохода, на котором прибыл епископ.

Дом – в прошлом тут был склад – имел два этажа, стены его обиты грубо отесанными досками, двускатная крыша покрыта цинком, на коньке постоянно дежурили стервятники в ожидании отбросов, скапливавшихся в порту. Здание было построено в те времена, когда река была еще настолько судоходной, что морские баркасы и даже настоящие корабли рисковали подниматься до городка, преодолев болотистое устье. По окончании очередной гражданской войны сюда прибыл с последней группой арабов Ибрагим Насар, тогда корабли с моря уже не заходили в порт – река изменила русло, – и склады оказались ненужными. Ибрагим Насар купил строение за ничтожную цену, намереваясь оборудовать в нем лавку для продажи импортных товаров, однако так никогда и не открыл ее. А собравшись жениться, он превратил склад в жилой дом. В нижнем этаже была отстроена гостиная на все случаи жизни, за домом соорудили конюшню на четыре лошади и подсобные помещения для прислуги, а также кухню с окнами в сторону порта, откуда постоянно доносился запах стоячей воды. Единственно,

чего он не тронул в доме, так это винтовую лестницу, спасенную, очевидно, с какого-то потерпевшего крушение корабля. На втором этаже, где прежде находилась контора таможни, Ибрагим Насар устроил две спальни и пять комнатушек-кают для многочисленных детей, которых предполагал иметь, кроме того, воздвиг деревянный балкон, нависавший над миндалевыми деревьями, что росли на площади, здесь Пласида Линеро просиживала мартовские вечера, надеясь облегчить свое одиночество. С фасадной стороны сохранилась парадная дверь, в которой он проделал два высоких окна, украсив их деревянной резьбой. В сохранности оставил он и задний подъезд, лишь приподняв притолоку двери, чтобы смог проезжать всадник; находил применение Ибрагим Насар и части старого причала. Вообще-то задняя дверь использовалась намного чаще, и не только потому, что через нее можно было попасть в стойла или на кухню, но и потому, что она выходила на улицу, ведущую к новому порту, – не надо было пересекать площадь. Парадная же дверь, за исключением праздников, постоянно была закрыта на засов. И тем не менее именно здесь, а не у задней двери ожидали Сантьяго Насара те, кто собирался его убить, и как раз через парадную дверь он вышел, отправившись на встречу епископа, хотя ему пришлось обогнуть весь дом, чтобы пройти к порту.

Никто не мог взять в толк столько мрачных совпадений. Следовательно, прибывший из Риоачи, видимо, что-то почувствовал, пусть и не решался принять их во внимание, но его стремление дать этим совпадениям рациональное толкование явствовало из его протоколов. Несколько раз при упоминании двери, выходящей на площадь, следовательно называл ее как в детективном рассказе: «роковая дверь». На самом же деле единственным достойным внимания объяснением можно считать слова Пласиды Линеро, ответившей на вопрос юриста истинно материнским доводом: «Мой сын никогда не выходил через заднюю дверь, если был празднично одет». Эта аргументация была настолько незамысловата, что следовательно отметил ее особо на полях, но в дело не занес.

Виктория Гусман со своей стороны была сугубо категоричной в ответе, заявив, что ни она, ни ее дочь не знали, что Сантьяго Насара кто-то поджидает, чтобы убить. Однако с годами она признала, что им обоим все уже было известно до того, как он вошел в кухню пить кофе. Обо всем им сообщила нищенка, зашедшая в дом после пяти утра попросить немного молока, она же открыла им повод и место, где его поджидали. «Я не предупредила его, поскольку сочла, что это пьяная болтовня», – сказала мне Виктория Гусман. Но Дивина Флор в мой последующий – уже после смерти матери – визит к ней признала: мать ничего не сказала Сантьяго Насару потому, что в глубине души желала, чтобы его убили.

Сама же Дивина Флор была еще девочкой, да к тому же испугалась и принять самостоятельного решения не могла; она еще больше испугалась, когда он схватил ее за кисть и она ощутила, что рука его – ледяная и каменная, как у мертвеца.

В предрассветном сумраке Сантьяго Насар широкими шагами прошел через дом, преследуемый радостным ревом гудка епископского судна. Дивина Флор забежала вперед открыть ему дверь; пытаясь ускользнуть от него, она двигалась между клетками спящих в столовой птиц, среди плетеной мебели и папоротников, свисающих из подвешенных к потолку горшков, но, когда отбрасывала засов, не смогла избежать когтей ястреба. «Он мял меня, как лепешку, – сказала мне Дивина Флор. – Он часто тискал меня, встретив одну где-нибудь в укромном углу; но в тот день мне не было, как всегда, страшно, просто до ужаса захотелось плакать». Она отодвинулась, пропуская его, и через приоткрытую дверь увидела на площади миндалевые деревья в предрассветной заре, будто покрытые снегом, но у нее не хватило мужества разглядеть еще что-либо. «В тот момент прекратился рев паровых гудков и запели петухи, – продолжала она. – Крик их был настолько оглушительным, даже трудно было поверить, что петухов в городке оказалось такое множество, сперва я подумала, что их привезли вместе с епископом». Единственное, что она могла сделать для мужчины, принадлежать которому ей было не суждено, – это, вопреки приказаниям Пласиды Линеро, оставить засов на двери открытым, чтобы в случае надобности он смог бы скорее вернуться в свой дом. Кто-то, чью личность так и не установили, подсунул под дверь конверт с запиской, в которой предупреждал Сантьяго Насара, что его ждут, чтобы убить, и, кроме того, сообщал место расправы, мотивы, равно как и другие весьма точные подробности. Послание это лежало на полу, когда Сантьяго Насар выходил из дома, но он его не видел; не видела конверт и Дивина Флор, и вообще никто этой записки не видел, и обнаружили ее много времени спустя после того, как было совершено преступление.

Пробило шесть, но фонари на улицах все еще горели. На ветвях миндалевых деревьев и на некоторых балконах все еще раскачивались разноцветные бумажные гирлянды, подготовленные к свадьбе, и можно было подумать, что их только что развесили в честь епископа. Площадь, вымощенная брусчаткой до церковной паперти, около которой были сооружены подмости для музыкантов, походила скорее на свалку пустых бутылок и всякого рода мусора после народного гулянья. Несколько человек, подгоняемые гудками парохода, бежали в сторону порта, когда Сантьяго Насар вышел из дома.

Единственным открытым заведением на площади была молочная лавка неподалеку от церкви, там и находились двое, поджидавшие Сантьяго Насара, чтобы убить его. Хозяйка молочной – Клотильде Армента – была первой, кто увидел его в сиянии зари, и ей представилось, что он отсвечивал алюминием. «Он уже казался привидением», – сказала она мне. Те, кто собирался его убить, спали на лавках, прижимая к себе ножи, завернутые в газеты, и Клотильде Армента пришлось сдерживать дыхание, чтобы не разбудить их.

Это были близнецы Педро и Пабло Викарио. Исполнилось им по 24 года, и столь похожи они были меж собой, что их трудно было различить. «Внешне выглядели они непривлекательно, но выделялись нравом достойным», – гласил протокол. Я, зная обоих с начальной школы, написал бы то же самое. Тем утром они были одеты в костюмы из темного сукна – по случаю свадьбы, – чересчур парадные и толстые для побережья. После многочасового загула лица братьев были изрядно помяты, но все же должным образом побриты. Близнецы не переставая пили еще с кануна свадебного пиршества, а на третьи сутки они были не то что пьяны, просто оба походили на бодрствующих лунатиков. С первыми бликами рассвета после почти трехчасового ожидания в лавке Клотильде Армента они заснули, впервые с субботы. С первым гудком парохода они очнулись, чутье окончательно заставило их пробудиться, когда Сантьяго Насар вышел из своего дома. Оба стиснули в руках газетные свертки, а Педро Викарио даже стал приподниматься.

– Во имя любви к Господу Богу! – пробормотала Клотильде Армента. – Оставьте это на потом, хотя бы из уважения к сеньору епископу.

«То был перст Всевышнего», – повторяла она потом. Конечно, посоветовала она невзначай, случайно, но действие ее слова оказали незамедлительное. Услышав Клотильде Армента, близнецы Викарио задумались, и тот, что было встал с лавки, вновь сел. Оба проводили взглядом Сантьяго Насара, переходившего площадь. «Они смотрели на него скорее с жалостью», – говорила Клотильде Армента. В ту минуту площадь пересекала рысцей беспорядочная стайка учениц монастырской школы, одетых в сиротские форменные платица.

Пласида Линеро была права: епископ не сошел с парохода. В порту кроме представителей власти и школьников скопилось много народа; повсюду из плетеных корзин выглядывали откормленные петухи, принесенные в дар его преосвященству: суп из гребешков был его любимым блюдом. На пристань было доставлено столько подношений, что для их погрузки на судно понадобилось бы

не менее двух часов. Но пароход не причалил. Извергая драконий рык, он появился из-за излучины реки, и тогда оркестр заиграл епископальный гимн, а петухи в корзинах заорали, переполошив собратьев в городке.

В ту пору легендарные колесные суда, питавшиеся дровами, уже исчезали, а на тех немногих, что сохранились и плавали, не осталось ни пианолы, ни отдельных кают для справлявших медовый месяц; да и против течения такие посудины двигались с превеликим трудом. Но судно епископа было новехоньким, вместо одной у него высились две трубы, на которых браслетом был нарисован флаг, а колесо с лопастями на корме придавало вид быстроходного морского корабля. У поручней, на верхней палубе, около капитанской рубки стоял епископ в белом облачении, окруженный свитой из испанцев. «Погода стояла как на Рождество», – сказала моя сестра Маргот. По ее словам, в порту произошло следующее: проходя вдоль причала, судно прогудело и обдало всех, кто стоял в первых рядах на берегу, паром, вырвавшимся под давлением. Видение было мимолетным – епископ, проплывая мимо собравшейся толпы, творил в воздухе крестное знамение, повторяя этот жест механически, без какой-либо задней мысли, просто бездумно, до тех пор, пока пароход не исчез из виду, и в порту остался лишь гвалт перепуганных петухов.

Сантьяго Насар с полным основанием мог чувствовать себя обманутым. Откликнувшись на публичные призывы падре Кармен Амадора, он пожертвовал несколько охапок дров, вдобавок отобрал для епископа петухов с наиболее аппетитными гребешками. Однако огорчился он недолго. Моя сестра Маргот, стоявшая рядом с ним на пристани, заметила, что к нему вернулось хорошее настроение, и он намерен был продолжать попойку, хотя таблетки аспирина не принесли никакого облегчения. «Простуженным он не выглядел и рассуждал только о том, во что обошлась свадьба», – сказала она мне. Кристо Бедойя, который находился здесь же, назвал цифры, поразившие донельзя. Вместе с Сантьяго Насаром и мною он кутил почти до четырех утра, но спать к родителям не пошел, а остался поболтать у деда и бабки. Здесь он и получил многие сведения, еще недостававшие ему, чтобы прикинуть расходы на свадьбу. Кристо Бедойя подсчитал, что для гостей было зарезано сорок индюков и одиннадцать боровов да еще четыре телки – все это жених распорядился жарить прямо на площади для угощения народа. Подсчитал Кристо Бедойя, что было выпито 205 ящичков контрабандных спиртных напитков и почти 2000 бутылок рома – их просто раздавали в толпе. Не оказалось в городке ни одного человека – ни богатого, ни бедного, – кто так или иначе не участвовал в этом самом буйном празднике, еще невиданном здесь. Сантьяго Насар мечтал вслух.

– Такой будет и моя свадьба, – сказал он. – И жизни не хватит, чтобы рассказать о ней.

Сестре будто бальзам пролился на сердце. Она еще раз подумала о счастливой звезде Флоры Мигель, которой судьба и так дала многое и которая на Рождество станет к тому же обладать Сантьяго Насаром. «Я тотчас же поняла, что лучшей партии, чем он, не может быть, – сказала мне она. – Представить только – красавец, обязательный человек и с собственным состоянием в 21 год». Маргот частенько приглашала его к нам завтракать, особенно когда жарили пончики с мясом из юкки, а в то утро мать как раз их готовила. Сантьяго Насар с радостью принял приглашение.

– Я только переоденусь и догоню тебя, – сказал он и вдруг вспомнил, что забыл часы на ночном столике: – Который час?

Было 6.25 утра. Сантьяго Насар взял под руку Кристо Бедойю и повел его к площади.

– Через четверть часа я буду у вас, – сказал он сестре.

Она упорно предлагала идти всем вместе и тотчас же, поскольку завтрак уже готов. «Какая-то странная настойчивость отличала ее, – говорил мне Кристо Бедойя. – Настолько странная, что порой я думаю, не знала ли Маргот, что его собираются убить, и потому хотела спрятать парня в вашем доме». Однако Сантьяго Насар убедил мою сестру не дожидаться, идти домой, а тем временем он переоденется для верховой езды: ему нужно было как можно скорее быть в асьенде, чтобы там холостить бычков. Тем же жестом, что и с матерью, Сантьяго Насар простился с Маргот и пошел в сторону площади, потянув с собой Кристо Бедойю. Сестра его видела в последний раз.

Многие из тех, кто был в порту, знали: Сантьяго Насара хотят убить. Дон Ласаро Апонте, полковник, окончивший академию и ныне в отставке, в течение одиннадцати лет исполнявший обязанности муниципального алькальда, откозырял ему на военный манер. «Я располагал вполне реальными основаниями считать, что ему уже не грозит никакая опасность», – сказал он мне. Падре Кармен Амадор также не проявил беспокойства. «Увидев его живым и здоровым, подумал, что все толки – бредни», – сказал он мне. Никто даже не задался вопросом: а был ли предупрежден Сантьяго Насар? Всем казалось невероятным,

что он оставался в неведении.

И действительно, моя сестра Маргот была одной из немногих, кто все еще не знал, что Сантьяго Насара готовятся убить. «Если б мне стало известно об этом, я увела бы его к нам, хоть на веревке», – заявила она следователю. Было странно, что сестра не знала о предстоящем преступлении, но еще более странным было, что об этом не знала и моя мать, поскольку в нашем доме она узнавала обо всем раньше всех, несмотря на то что в течение многих лет не посещала даже церкви. Я ценил эту ее способность еще со времен, когда мне приходилось вставать спозаранку, чтобы отправляться в школу. Я встречал ее, бледную и молчаливую – такой она была в те годы, – во дворе: в дымчатом предрассветном сумраке она подметала пол патио, а потом за кофе рассказывала мне о происшедшем на белом свете, пока мы спали. Казалось, что ее и других жителей городка, особенно ее ровесников, связывали тайные, невидимые нити; иногда она поражала нас, заранее сообщая о том, что можно было узнать, лишь обладая даром предвидения. Однако в то утро она не ощутила приближения трагедии, вызревавшей с трех часов утра. Она кончила мести двор, и сестра Маргот, отправляясь встречать епископа, видела, что мать толчет юкку для пончиков. «Слышно было, как кричали петухи», – говаривала мать, вспоминая тот день. Далекий шум она связала, однако, не с прибытием его преосвященства, а с последними отголосками свадьбы.

Наш дом находился вдалеке от главной площади – он стоял у реки, в роще манговых деревьев. Сестра Маргот дошла по берегу до порта, народ был слишком возбужден визитом епископа, чтобы интересоваться чем-то иным. Перед домами лежали больные, вынесенные на улицу, чтобы они могли принять божье исцеление, из дворов выбегали женщины с индюками, поросятами и всякой снедью, от противоположного берега реки плыли украшенные цветами каноэ. После того как епископ скрылся из виду, так и не ступив на здешнюю землю, стала известна другая новость, и весть эта сразу же приобрела скандальный характер. Тогда-то моя сестра Маргот и узнала о том, как страшно развивались события накануне: Анхела Викарио, прелестная девушка, только что вступившая в брак, водворена обратно в дом родителей, так как молодой супруг обнаружил, что она не была девственницей. «Я почувствовала, словно мне предстоит умереть, – сказала моя сестра. – Сплетню обсасывали и так и эдак, но никто не мог объяснить, каким же образом бедняга Сантьяго Насар оказался замешанным в этом скандале». Единственно, что было известно, будто братья Анхелы Викарио готовились убить его.

Моя сестра вернулась домой, кусая губы, чтобы не разрыдаться. В столовой она встретила мать, одетую в воскресное платье – в синих цветочках – на тот случай, если бы епископ решил заглянуть к нам; накрывая на стол, мать напевала про себя фадо[2 - Народная португальская песенка.] о тайной любви. Моя сестра отметила, что был поставлен лишний прибор.

– Это для Сантьяго Насара, – сказала ей мать. – Мне передали, что ты пригласила его завтракать.

– Убери прибор, – ответила Маргот.

И сообщила обо всем. «Я думала, что мать уже в курсе случившегося, – говорила она мне. – Как всегда, начнешь ей рассказывать, еще не дойдешь и до середины, а она уже знает, чем окончится все». Но на этот раз зловещая новость была туго завязанным узелком и для матери. Имя Сантьяго Насару дали в ее честь, она к тому же была его крестной матерью; вместе с тем мать состояла в кровном родстве с Пурой Викарио, родительницей возвращенной в отчий дом невесты. Не дослушав сестру, мать надела туфли на каблуках, накинула черную мантилью, в которой только наносила визиты соблезнования. Мой отец, лежавший в постели, услышав разговор, неожиданно появился в столовой – как был в пижаме – и встревоженно спросил ее, куда она собралась.

– Предупредить куму Пласиду, – сказала мать. – Ведь несправедливо, уже всем известно, что ее сына хотят убить, и лишь она этого не знает.

– Нас связывает с ней столько же, сколько с семьей Викарио, – возразил отец.

– Всегда надо быть на стороне усопшего, – ответила мать.

Из других комнат появились младшие братья. Самые маленькие, ощутив что-то неладное, заплакали. Мать – впервые в жизни – не обратила на них никакого внимания, как не обратила внимания и на мужа.

– Подожди, я оденусь, – сказал он ей.

Она уже вышла на улицу. Мой брат Хаиме – тогда ему было не более семи лет, – один из всех одетый, собирался в школу.

– С матерью пойдешь ты, – приказал ему отец. Хаиме побежал за ней, не понимая ни того, что происходило, ни куда они направлялись, и схватил ее за руку. «Она шла и вслух разговаривала сама с собой, – рассказывал мне Хаиме. – Злодеи, бормотала она очень тихо, подонки, неспособные ни на что другое, как приносить несчастья». Она даже не отдавала себе отчета, что тащит за руку ребенка. «Люди, наверно, подумали, что я сошла с ума, – сказала она мне. – Помню только, где-то вдалеке слышался шум толпы, будто вновь началась свадьба, и все бежали в сторону площади». Со всей решимостью, на какую была способна, когда речь шла о чьей-то жизни, мать ускорила шаг, но кто-то из бежавших навстречу сжалился над ней.

– Не торопитесь, Луиса Сантьяга! – прокричал ей кто-то, пробегая мимо. – Его уже убили.

Байярдо Сан Роман, молодожен, вернувший жену ее родителям, впервые появился здесь в августе предыдущего года – за шесть месяцев до своей свадьбы. Он прибыл на пароходе, курсирующем каждую неделю: весь его багаж – две кожаные сумы, отделанные серебром, и украшения на них сочетались с узорами пряжки на ремне и застежек на сапогах. Ему было лет около тридцати, хотя точный возраст установить трудно, его отличали тонкая талия начинающего тореро, с блеском золота глаза и будто прокаленная на медленном жаре селитры кожа. Одет он был в короткую куртку и очень узкие брюки – обе вещи были сшиты из натуральной телячьей кожи, а на руках красовались козы перчатки, тончайшей выделки, того же цвета, что и костюм. Магдалена Оливер плыла с ним на одном судне и в течение всего путешествия не могла оторвать от него глаз. «Выглядел он педерастом, – сказала она мне. – Так обидно! Ведь красавчик, впору обмазать его кремом и съесть!» Она была не единственной, кто так думал, и не последней из тех, кто сразу же понял, что Байярдо Сан Роман – мужчина, которого не раскусишь с первого взгляда.

В конце августа мать прислала мне в колехио письмо и в нем мимоходом отметила: «Приехал сюда очень странный человек». В следующем письме она сообщала: «Странного человека зовут Байярдо Сан Роман, все говорят, что он обаятелен, но я его не видела». Никто никогда так и не узнал, зачем он прибыл. Кому-то из тех, кто не удержался перед искушением незадолго до свадьбы спросить его об этом, он ответил: «Я бродил из города в город в поисках – на ком бы жениться». Это могло быть правдой, но с таким же успехом он мог ответить все что угодно, обладая манерой говорить то, что помогало ему скрывать

правду.

Вечером в кинотеатре, сразу же по прибытии, он дал понять, что разбирается в профессии путейца, заговорив о срочной необходимости проложить железную дорогу в глубь страны, чтобы обезопасить селение от капризов реки. На следующий день ему потребовалось дать телеграмму, и он сам отбил ее на телеграфном ключе, да к тому же раскрыл телеграфисту секрет, как использовать уже севшие электрические батарейки. С не меньшей уверенностью он побеседовал о болезнях в районе приграничной полосы с военным врачом, прибывшим сюда в связи с набором в армию. Ему нравились шумные и затяжные застолья, пить он умел здорово, в ссорах выступал примирителем и был противником нечистой игры. Однажды в воскресенье, после мессы, он вызвал на пари самых ловких пловцов – а их было немало – и оставил сильнейших из них на двадцать саженок позади, переплыв реку туда и обратно. Моя мать написала мне об этом в одном из писем и завершила комментарием на свой манер: «Похоже, что он плавает и в золоте тоже». Она опиралась на слухи о том, что Байярдо Сан Роман может сделать все что угодно – и делает все великолепно, – да и располагает безграничными финансовыми средствами.

Мать окончательно благословила его, заявив в своем письме, датированном октябрём: «Люди его очень любят, – потому что он честен и добр сердцем, а в прошлое воскресенье он причащался, опустившись на колени, а также помог отслужить мессу по-латыни». В те времена не разрешалось причащаться стоя, и вся служба шла только по-латыни, однако моя мать имела обыкновение прибегать к подобным, ничего не значащим уточнениям, когда хотела постигнуть суть вещей. Тем не менее после столь благожелательного вердикта она написала мне еще два письма, в которых уже ничего не сообщала о Байярдо Сан Романо, не известила даже, хотя уже об этом стало широко известно, что он собирается жениться на Анхеле Викарио. Только много времени спустя после этой несчастной свадьбы она призналась мне, что лично познакомилась с ним, когда было слишком поздно исправить написанное ею в октябрьском письме, и его золотистые глаза ужаснули ее.

– Он показался мне похожим на дьявола, – сказала она мне, – но ты ведь сам говорил, что о таких вещах не следует писать.

Я познакомился с Байярдо Сан Романом чуть позже, чем моя мать, когда приехал домой на рождественские каникулы, и не посчитал его столь странным, как о нем толковали. Он представился мне действительно обаятельным, но не таким

уж идеальным, каким обрисовала его Магдалена Оливер. Выглядел он более серьезным, чем можно было предполагать по его проделкам, чувствовалась в нем какая-то внутренняя напряженность, едва скрываемая излишней веселостью. Но, главное, он показался мне очень грустным человеком. К тому времени он уже объявил о своей помолвке с Анхелой Викарио.

Так и не удалось точно установить, как они познакомились. Хозяйка пансиона для холостяков, где проживал Байярдо Сан Роман, передавала, что он дремал послеобеденную сиесту, расположившись в качалке в гостиной – были последние дни сентября, – когда Анхела Викарио и ее мать пересекали площадь с корзинками искусственных цветов. Байярдо Сан Роман увидел двух женщин в глухих траурных платьях, они казались единственными живыми существами в послеполуденном мареве. Он спросил, кто эта девушка. Хозяйка ответила, что она – младшая дочь женщины, идущей рядом, и что зовут ее Анхела Викарио. Байярдо Сан Роман проводил взглядом обеих женщин до конца площади.

– Ей очень подходит ее имя[3 - Игра слов: от исп. angel (ангел) и лат. vicarius (заменяющий, помощник).], – произнес он.

Затем, откинув голову на спинку качалки, он вновь закрыл глаза.

– Когда я проснусь, – сказал он, – напомните мне, что я на ней женюсь.

Анхела Викарио говорила мне, что хозяйка пансиона сообщила ей об этом случае задолго до того, как Байярдо Сан Роман стал преследовать ее своей любовью. «Я очень испугалась», – сказала она мне. Три человека, находившихся в пансионе, подтвердили, что такой случай действительно был, однако четверо других не считали его достоверным. Зато все версии сходились на том, что Анхела Викарио и Байярдо Сан Роман впервые встретились в октябре, в день национального праздника, на благотворительной ярмарке, где ей было поручено заниматься лотереей. Байярдо Сан Роман пришел на праздник и направился прямехонько к витрине, у которой стояла бледная лотерейщица, наглухо – до запястий – облаченная в черное, и спросил ее, сколько стоит инкрустированный перламутром граммофон с трубой – главная приманка ярмарки. Она ответила, что предмет этот выставлен не на продажу, а будет разыгран в лотерею.

– Еще лучше, – сказал он, – так будет проще и к тому же дешевле.

Анхела Викарио призналась мне, что он добился своего: произвел на нее впечатление, но отнюдь не любовным порывом. «Я не выносила заносчивых мужчин и еще никогда не видела столько фанфаронства, сколько в нем, – сказала она мне, вспоминая тот день. – А потом я подумала, что он поляк». Ее неприязнь еще более возросла, когда в обстановке всеобщего нетерпения выкрикнули номер лотерейного билета на граммофон и выигрыш действительно выпал Байярдо Сан Роману. Невозможно было предположить, что он, оказывается, скупил все лотерейные билеты лишь для того, чтобы произвести на нее впечатление.

В ту же ночь, вернувшись домой, Анхела Викарио обнаружила у себя граммофон, обернутый подарочной бумагой и украшенный бантиком из органди. «Я так и не могла догадаться, как он узнал, что у меня был день рождения», – сказала она мне. Ей было трудно убедить родителей, что она не дала никакого повода Байярдо Сан Роману прислать ей подобный подарок, да еще в такой вызывающей форме, что, естественно, не прошло незамеченным для окружающих. Ее старшие братья Педро и Пабло отнесли подарок в пансион, с тем чтобы вручить его владельцу, и сделали это с таким шумом, что не осталось ни единого человека, кто, если и не видел, как эта игрушка прибыла к Анхеле Викарио, зато видел, как она отправилась восвояси. Семья Анхелы Викарио не учла лишь неотразимости Байярдо Сан Романа. Близнецы вернулись к себе только на рассвете следующего дня, ослобившиеся от попойки, все с тем же граммофоном в руках и к тому же в сопровождении Байярдо Сан Романа, намереваясь продолжать гулянку дома.

Анхела Викарио была младшей дочерью в семье с очень скромным достатком. Ее отец, Понсио Викарио, принадлежал к бедным ювелирам и зрение потерял, создавая восхитительные золотые безделушки, поддерживая, таким образом, честь домашнего очага. Мать, Пурисима дель Кармен, служила школьной учительницей, пока не вышла замуж – уже на всю жизнь. Ее кроткая и несколько болезненная внешность прекрасно скрывала силу характера. «Она была похожа на монахиню», – вспоминала Мерседес. Пурисима дель Кармен с таким самопожертвованием отдавалась заботам о муже и воспитанию детей, что окружающие иногда забывали о ее собственном существовании. Две старшие дочери вышли замуж очень поздно. Кроме близнецов и Анхелы была еще одна дочь – средняя, но она скончалась от малярии, и вот уже два года по ней носили траур, неполный дома и строгий на улице. Братьев вырастили настоящими мужчинами. Девиц воспитывали для замужества. Они умели вышивать на пальцах, шить на швейной машинке, плести на коклюшках кружева, стирать, гладить, делать искусственные цветы, готовить всевозможные сладости, а

также писать приглашения на помолвки. В отличие от сверстниц, легкомысленно относящихся к ритуалам, связанным со смертью, четыре дочери Викарио были великими мастерицами в древней науке ухода за страждущими, в утешении умирающих и отпевании умерших. Единственное, за что их упрекала моя мать, так это за привычку причесываться перед сном. «Девочки, – говорила она им, – не расчесывайте косы к вечеру: моряков упустите». За исключением этого, считала моя мать, не было на свете лучше воспитанных девиц. «Они безупречны, – слышал я, как она частенько повторяла. – Любой мужчина будет счастлив с каждой из них, ибо они выращены для страдания». Однако тем, кто женился на двух старших дочерях, оказалось нелегко вырваться из замкнутого круга – их жены всегда ходили вместе, устраивали танцы только для дам и постоянно были готовы видеть тайный смысл в любом намерении мужей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жил Висенти (ок. 1470 – ок. 1536 гг.) – выдающийся португальский драматург и поэт-сатирик. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Народная португальская песенка.

Игра слов: от исп. angel (ангел) и лат. vicarius (заменяющий, помощник).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gabriel-markes/hronika-obyavlennoy-smerti-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)